

Насущный хлеб и сух и горек,
Но трижды сух и горек хлеб,
Надломленный тобой, историк,
На конченном пиру судеб.

Как редко торжествует память
За кругозором наших дней,
Как трудно нам переупрямить
Упорствующий быт камней!

Безумное единоборство—
И здесь, на берегах Днепра:
Во имя мёртвой Евы торс твой,
Адам, лишается ребра.

Не признавая Фундукля
И бибиковских тополей,
Таит софийская лилея
Небесной мудрости елей.

Растрелием под архитравы
Взмётен, застрял на острие
Осколок всероссийской славы—
Елизаветинское Е.

Но там, где никнет ювелира
И каменщика скудный бред,
Взгляни—в орлином клюве лира
Восхищена, как Ганимед.

Скользи за мною—над затором
Домов, соборов, тополей—
В зодиакальный круг, в котором
Неистовствовал Водолей.

Чу! Древне-женственной дигамме,
Ты слышишь, вторит вздох самца:
Чу! Не хрустит ли под ногами
Скорлупа Ледина яйца?

Ты видишь: мабель и дилговий
Доступны, как разлив Днепра,
Пока звенит в орлином клюве
Лировозникшее вчера.

Оно—твое! И в кубке Гебы,
На дне ли скифского ковша—
Одна и та же вечность, где бы
Её ни обрела душа.